

**#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР**



Олли Вингет

# #ПОСЛЕ ОГНЯ



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
В48

В48

**Вингет, Олли.**

После Огня : роман / Олли Вингет. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-094917-5

Ее мир давно рассыпался прахом. Священный Огонь превратил цветущие сады в бескрайнюю пустыню, где стараются выжить последние из рода человеческого. Но если зов тянет тебя вперед, а за спиной раскрываются крылья, то разве можно остаться в стороне? Так Алиса начинает свой путь через пески и пепел, чтобы спасти тех, кого она любит.

«После Огня» — это история о надежде, бьющейся в крылатом сердце, о вере, которую так трудно сохранить, и любви, что всегда остается сильнее смерти.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094917-5

© Олли Вингет, 2016  
© Павел Сметанин, фотография на обложке, 2016  
© Анастасия Надёжина, модель на обложке, 2016  
© ООО «Издательство АСТ», 2017

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



## # ГЛАВА 1

Они летели, то набирая высоту, то стремительно опускаясь прямо в объятия низких грозовых туч. Воздух был пронизан электричеством, буквально напитан им. Потоки потрескивающих искорок взрывались от сильных движений крыльев Алисы, вызывая в памяти странные образы, заставляя мурашки пробегать вдоль спины. Приближалась одна из тех весенних гроз, о которых сотни лет назад писались поэмы другого мира.

— Томас!

Ветер заглушал ее голос.

Но вожак должен все замечать, так говорил закон, а уж закон ее Вожак чтит куда сильнее прочего. На одно короткое мгновение он будто растерялся, оторвав напряженный взгляд от небесной пелены и оглянувшись на девушку. Она не могла видеть его серые с медными крапинками глаза, но отлично представляла, как секундная растерянность сменяется раздражением.

Он говорил Городу: попугачик задержит его в пути, а вылазка провалится из-за мелочи, тем более из-за обузы, пусть она и обладала ловкостью. Была Крылатой.

Алиса махнула в сторону надвигающегося грозового фронта. Иссиня-черные, клубящиеся, будто живые, тучи ползли, обходя их с запада, устрашающе сверкая первыми молниями. Тяжелые от скопившейся влаги, они еще не уронили ни капли, но дождь уже ощущался: на языке появилась противная пленочка, словно в лицо прыснули чем-то едким — пока не смертельно, пока предупреждающе. В запасе оставалось еще немного времени, если ветер не усилится, а это могло произойти. Случиться могло все что угодно. Полоумная бабка Фета рассказывала детям общины сказки старого мира о философах и поэтах, о героях большой войны, об ученых и простаках. Она говорила, что раньше хлеб был мягким, его мазали пастой цвета солнца. И если намазанный хлеб роняли, то он обязательно падал пастой вниз.

— Это был закон подлости, закон хлеба, — говорила Фета и долго смеялась своим кашляющим смехом, захлебываясь и утирая слезы. — Весь наш мир, детки, стал этим куском хлеба, так мне говорила старуха, пережившая Огонь, когда я была такой же глупой и стройненькой, как вы.

«Что за ерунда лезет в голову», — сердито одернула себя Алиса, снижаясь по спирали вслед за Вожаком и всматриваясь слезящимися глазами в непроглядную тьму, слегка пахнущую гарью.

Они еще немного покружили, почти касаясь маховыми перьями каменистых выступов, пока не разглядели в темноте небольшую пещеру — углубление в скале, обнажившееся после очередного селя, — и наконец опустили подошвами на камни. Алиса любила этот миг, когда крылья, послушные ее воле, с шорохом опадали, теряли свою упругость, склады-



вались аккуратным горбиком вдоль позвоночника, согревая спину.

Пещера оказалась еще меньше, еще неудобнее, чем можно было представить. Длинною в десяток широких шагов от стены до входа, она внезапно превращалась в маленький уступ посреди отвесной скалы, и ветер завывал в ее углах с утроенной силой.

— Алиса, разожги огонь! Надо осмотреться. — Хриплым от долгого молчания голосом Вожак отдавал обрывистые команды, словно страшась потерять контроль, не заметить опасность в шорохах ветра снаружи.

Кроме прочего, в походном рюкзаке, согласно Закону, нужно держать в пригодном для использования состоянии все необходимое для розжига костра: кремьень, трут и кресало. Полоумная Фета рассказывала, что раньше, десятки лет назад, огонь жил в карманах, прятался до поры в маленьких железных коробочках и выскакивал по первому же приглашению, будто живой. Почему-то бабкины рассказы вспоминались Алисе чаще всего именно во время вылазок, среди пепла и гари.

Первая искра вспыхнула спустя пару мгновений. В набор для вылазки входили выданные городом тонкие и липкие нити, их надо было поджечь, чтобы вся пещерка осветилась слабым, но дающим обзор светом. Вожак застыл на уступчике, втягивая носом отчетливо пахнущий гарью тяжелый воздух. Гроза почти началась. Пальцы покалывало, даже тонкие волоски на руках девушки приподнимались, словно песчаные змейки.

Первая вспышка молнии ослепительным росчерком пронзила небо над скалами. Оглушительные

раскаты грома множились эхом, дробились на осколки. Дождь хлынул потоком, будто молния вспорола брюхо неба, дав ему возможность излить свои едкие воды на мертвую землю. Струйки, шипя, принялись разъедать камни у ног Вожака, но тот, словно не видя, не чуя опасности, остался неподвижно стоять у входа в пещеру, прикрыв лицо воротом походной куртки. Его фигура отражалась в глазах Алисы с каждой молнией, отпечатывалась на сетчатке с необычайной ясностью. Девушка зажмурилась и досчитала до пяти.

\* \* \*

Слет второй ступени начался ближе к закату. Весь Город гудел как улей, люди перешептывались уже много дней. Каждый имел свое, таимое за пазухой, мнение насчет этого большого, но бессмысленного по сути начинания. Каждый с детства слышал истории о том, как закончится первая ступень возрождения, как поднимутся из пепла дома, как люди выйдут на свет из своих прокопченных нор, как расправят плечи молодые Крылатые и наступит время задуматься о будущем. Вот вернутся первые Вестники, отыскавшие новые земли, плодородные, с чистой водой, может быть, даже с деревьями, высокими, шумящими на ветру густой листвой, — и начнется совсем другая жизнь, достойная выживших после Огня.

Вестник и правда вернулся через три года после торжественного прощания. Один из полусотни улетевших. Одичавший, превратившийся в скелет и успевший состариться за время пути, он принес с собой засохшую веточку и горько расплакался, размазывая слезы по грязным, почерневшим от сажи

щекам. Его глухие всхлипы оставили в памяти Алисы тревожный след. Она отчетливо запомнила, как изменился в лице дед, рослый старик, белый как лунь, слеповатый, но крепкий, как плачем на плач ответил в толпе чей-то ребенок, как замерла площадь, полная давно потерявших надежду людей.

Алиса только прошла последний этап своего испытания, и новенький медальон, еще не прижившийся, еще доставляющий неудобство, слегка ныл между ключиц. Крылья давно проросли сквозь спину, а тело почти перестало сопротивляться всем изменениям внутри него. Уверенность в том, что самое страшное теперь ею преодолено навсегда, наполняла девушку пьянящим чувством единения с небом и Братством, а всеобщее возбуждение казалось лишь досадной помехой, мешающей ощутить свою радость сполна.

— Мы... Мы видели землю, — вдруг отчетливо проговорил Вестник. — Далеко. Сотни дней пути под нами были лишь зола и пепел. Огонь пожрал все, что смог найти. Серые Вихри поднимают прах и носят его по миру, как по кладбищу всего живого, дышавшего когда-то. Но далеко есть земля, черная и жирная. Я держал ее в горсти. — Он выбросил сжатый кулак вперед, словно чувствовал комок живой земли между своих пальцев. Каждый, кто стоял на площади, каждый, кто верил и кто не верил во вторую ступень возрождения, — все смотрели на его кулак. — Там растет трава, слабая и редкая, но, если бы ей помогли, она бы набралась силы. И мы... нашли дерево. — Болезненный вдох пронесся над площадью в ответ на его последние слова. — То самое. Крылатое Дерево. Юное, больше похожее на тонкий кустик,

но оно там есть. Я принес вам его ветвь, чтобы вы знали: Вестники сгинули не впустую. — Он замолчал и медленно осел на землю, будто последние его силы отняли эти страшные слова. Слова надежды.

Толпа в тот вечер не расходилась, пока не погас последний уголек в общем костре. Всем хотелось повторить слова Вестника, овеществить, наполнить силой. Тогда-то и был назначен слет — первый за многие годы, призванный не только исполнить Закон, но и принять решение. Значимое, настоящее.

Алиса стояла в стороне от толпы, посасывая кончик выбившейся из высокого хвоста пряжи, и все не могла понять, что именно она думает о новости, что чувствует сейчас — возбуждение, страх или смятение. Построенное на руинах большого города, их поселение силилось сохранить остатки бывшего, вдохнуть жизнь в разрушенные дома, отстроить их, отыскать необходимое для существования спасенных людей. Старые ткани рвались по швам, но их любовно сшивали. Нехитрый скарб передавался из поколения в поколение, из рук в руки, будто бы символ прошлой жизни человечества. Пусть столы и стулья были грубо сколочены из трухлявой древесины, чудом пережившей Огонь, но их берегли, словно они были живыми. Пусть глиняная посуда покрывалась трещинами, но в нее наливали похлебку каждому, подошедшему к костру. И дети брали в руки книжки старухи Феты, чтобы разглядывать выцветшие от времени картинки и знать, какое прошлое было у их народа, какое будущее, возможно, наступит однажды.

Но, прожив так двадцать два года, точно зная свой путь, Алиса вдруг увидела развилку. В толстом своде

Закона есть целый раздел, посвященный возможному возрождению. Его учили наравне с остальными частями, криво усмехаясь, уверенные, что эти правила никогда никому не пригодятся.

Разве можно себе представить, что где-то еще растет Крылатое Дерево? Дерево, дарующее людям медальоны, а значит, и крылья. Дерево, чья древесина обладает не меньшим разумом и куда большей силой, чем остальной мир.

Это означало бы, что род человеческий, выживший после Огня и десятков лет возрождения, наконец восстанет из пепла и вернет себе свою землю, воду, судьбу, свои крылья... Это означало бы надежду и жизнь. И это было невозможным.

Но если Вестник не сошел с ума за три года бесплодных скитаний над пустыней праха — значит, скоро Город потребует у Крылатых новых Вестников. И кто знает, кому их них доведется лететь в неизвестность бок о бок с Вожаком, чтобы, скорее всего, никогда уже не вернуться...

— Испугалась, воробушек? — Насмешливый Лин всегда попадал в цель и словом, и стрелой. — Что, если Вожак выберет тебя? Укажет своим длинным пальцем прямо на твою голубиную грудку, схватит, унесет на съеденье Вихрям! — Он закашлялся и обхватил девушку своими костлявыми руками. — Не бойся, сестренка, зачем ему такие нежные летуны? Он возьмет кого-то повыносливей, поопытней. А там, глядишь, помрет по пути обратно, и вернусь я с деревом новым Вожаком... Так-то.

— Ты? Думаешь, он тебя выберет, хвостун несчастный? — ухмыльнулась Алиса, не очень-то и стараясь высвободиться из объятий старого друга.

— Я сам вызовусь, — шепнул он, враз посерьезнев. — Добровольцем.

Крылатые собирались на маленькой площадке у ветхого домика Вожака. Обычно шумные и смешливые, в тот раз они притихли, словно дети в ожидании заслуженной взбучки. Переминаясь с ноги на ногу, Алиса грела руки в пушистой муфте грубой вязки — единственной вещи, которая осталась ей на память о матери. Страшный, раздражающий легкие кашель уносил немало жителей Города каждый год, и с этим ничего нельзя было поделать. Воздух давно полнился гарью, и ею были вынуждены дышать все выжившие люди; мелкие твердые частицы всего сгоревшего оседали у них внутри, не давая вдохнуть полной грудью без того, чтобы не зайтись в тяжелом кашле.

Вожак распахнул дверь и вышел на середину площадки. Крылатые обступили его, каждый пытался понять по глазам, по выражению исчерченного морщинами и шрамами лица, по быстро отведенному взгляду, что же решил Правитель. Будут ли выбраны Вестники, начнется ли ступень поиска того, что не существовало уже много десятков лет? Но Вожак был бесстрастен, как и в любой другой обычный день.

— Старик не поверил Вестнику, — наконец произнес он, смотря поверх голов своего отряда. Шум, вызванный одной этой фразой, Вожак прервал резким движением руки. — Правитель считает, что мы и так неплохо устроились. Здесь есть вода — грязная, серая, засоряющая истоки, но вода. Здесь есть еда — скудная, тяжело дающаяся, не питающая нас как должно, но еда. Здесь есть укрытие, и, хотя оно не спасет нас от серых Вихрей, охотников и падальщиков, зато мы можем забиться в свои норы и сде-

лать вид, что это все, — он широко взмахнул рукой, будто указывая на жалкие лачуги, сооруженные тут и там, — жизнь. Не выживание, не возрождение, а жизнь. Но я не согласен. Мы пьем мутную жижу, а не воду. Мы едим плесневелые грибницы, сухие лепешки и радуемся редкому мясу крыс, но это не пища. Вестник же видел жизнь. Он видел почву, на которой мы вырастим хлеб, он видел воду, которой мы сможем напиться, и он видел Дерево.

Казалось, что тихий голос Вожака проникает внутрь каждого, стоящего среди своих Братьев, его слова отдавались дрожью в медальонах. Умеющий чувствовать опасность и предупреждать о ней хозяйина, маленький кусочек таинственного Дерева дарил силу и мощь своему обладателю, дарил ему небо. Врастающая корешками в плоть человека, пробиваясь через кости тоненькими веточками, он делал достойного Крылатым, требуя взамен лишь верности крыльям до самой смерти.

Алиса плохо запомнила дни и недели трансформации. Процесс сопровождался постоянной тянущей болью, необъяснимыми всполохами перед глазами и сном, из которого не выйти, от которого не очнуться — пока все не закончится. Пока Братство не станет твоей единственной семьей, твоим уделом.

Говорили, что в Городе осталось не больше двадцати медальонов, а значит, она и ее Братья пусть и не последние, то уж точно предзнаменующие финал эпохи Крылатых. Если не найдется юное Дерево, то Город лишится своих верных небесных стражей и пропитания уже очень и очень скоро. Каждый стоящий на площади знал это. Вожак знал это. Но поиски могли длиться многие дни и были сопряжены